

К ИССЛЕДОВАНИЮ АРХЕТИПОВ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Немногим менее ста лет назад Освальд Шпенглер заявил: «Дом – это самое чистое выражение породы, которое существует» [4, с. 23], и предоставил эскиз будущих исследований морфологии жилища. Форма – ключевое понятие всего труда О. Шпенглера, и в разделе «Города и народы» читателю предлагается постичь тектоническую основу каждой породы (в другом переводе – «расы»), органичность и имманентность формообразующих принципов каждой культуры. Дом и основные формы в нем – мебель, посуда, одежда, оружие и прочее – обретают свой облик и собираются в целое не по прихоти вкуса, приятности глазу и жажде украшения. Исток этих форм – «первоначальные обычаи и формы существования, брачная и семейная жизнь, племенной распорядок» [4, с. 25], эти формы «характеризуют не вкус, но навыки борьбы, жизни и работы». Мощная полнота жизни по собственным законам оформляет и постройку, и внутреннее пространство, и наполняющие это пространство жизнью предметы; дом – отлитая в формы витальность, манифестация условий и потребностей выживания.

Изучение пород дома как выражение национального характера одновременно и задача, и метод, заявленные Шпенглером, – в той или иной мере декларировались и осваивались последующими исследователями. Разумеется, речь не идет об археологической и этнографической фиксации различных форм жилища в историческом и географическом аспектах, эта работа уже проделана, памятники и артефакты материальной культуры человечества подробно описаны и музеефицированы.

Нас интересует образ жилища, правила организации и вещного внутреннего пространства как реализация этнической (социокультурной) картины мира, поскольку «будучи своего рода «программой поведения», картина мира реализуется как в самом поведении человека, так и во всевозможных результатах этого поведения. Поэтому конкретные мифы, ритуалы, как и другие тексты (в семиотическом смысле этого термина), и в частности жилище, являются не чем иным, как различными реализациями одной и той же картины мира» [2, с.5]. В различных этнокультурных ареалах существуют различные способы организации ин-

терьера и шире – жилого пространства. Иерархия материального мира, структурирование пространства, расположение вещей и создание облика среды очевидно производны от ментальности, способов схватывания, удержания и интерпретации окружающего мира – картины мира. Более того, в традиционных культурах, архаичных и дописьменных обществах жилое/ живое пространство, в большой степени суть форма и способ хранения и трансляции картины мира.

Форма и облик вещей, и, соответственно – производство, технологии, материаловедение и формообразующие принципы воплощают мировоззренческую систему. Основным условием традиционного формообразования, определяющим облик и качество вещи, является способность вещи участвовать в выражении и материальном воплощении смысла. Мы привыкли к тому, что форма вещи определяется ее функцией. Если допустить, что функция вещи лишь исполнение вещью назначения (назначения – наделяемого нами значения), то форма и облик вещи определяется способностью автора и владельца вещи реализовывать эти значения (реальность от лат. «res» - вещь), пристраивать их, делать уместными.

Соответственно, перед нами стоит задача показать примеры и закономерности того, как геофизические и социальные условия порождают с одной стороны – духовный облик этноса или общества, мировоззрение и способы мировосприятия, а с другой – уникальный способ средового и вещественного существования этого сообщества, воплощающий его духовное содержание.

Исследование направлено на постановку и прояснение онтологических проблем: путем рассмотрения разных (этнических, культурных, социально-антропологических) моделей бытия сквозь кристалл и кристаллизацию быта, предметности жилой среды. Наше исследование не лишено и гносеологической нагрузки. Построение человеком ближайшей предметной среды – динамический процесс созидания и разрушения вещественности, а главное – процесс постижения, применения и проверки неких общих в данном социокультурном контексте правил освоения пространства, а также способов хранения и трансляции этих правил. Исследование, на наш взгляд, должно содействовать ответам на следующие вопросы:

1. Какова картина мира, воплощенная в структуре, символах, предметном содержании жилого пространства.

2. Как картина мира, специфичная для социокультурной группы (нации, этноса, племени, субкультуры) реализуется в построении, символизации и нормировании жилого пространства.

Производство человеком вещи, обустройство пространства вещами связаны с образом мира, который (образ) наследуется человеком, в котором человек и восприимчив, и творец. Принято считать, что эта связь прочнее в архаичных обществах и традиционных культурах, а в современном индустриальном обществе – слабее. Отчасти это так, хотя бы потому, что современный человек не производит подавляющее количество окружающих его вещей. Но неверно полагать, что человек не обладает предпочтительным образом пространства повседневного обитания, складывающегося из совокупности окружающих его вещей, не ведет постоянно и периодически возникающей селекции окружающей предметной среды. Более того – совокупность вещей, окружающих человека и представляющих некий облик, характеризует его мировоззрение и мироустройство как способ физического осуществления человека в мире.

Понимание этого предъявляет особые требования к условиям и методике анализа, содержанию источников и эмпирических данных. В виде последних приоритет – за качественными методами исследования: включенное наблюдение, описание, визуально-антропологические методы, этнографические свидетельства, свободное интервью представителей исследуемой социокультурной общности и носителей «взгляда со стороны». Статистические же методы – формализованное интервью, анкетирование и т.п. – призваны способствовать верификации выводов и проверке вспомогательных гипотез.

Семиологические методы исследования и интерпретации материальной культуры наиболее широко и разнообразно применялись в отношении одежды. Распространяя дихотомию Ф. де Соссюра «язык – речь» на другие знаковые системы, исследователи предлагают рассматривать систему моды или традиции этнического костюма в качестве «языка», а индивидуальное воплощение общей схемы, способы выбора элементов из определенного набора, их сочетания и ношения – «речью» (в таком случае, практику речепользования, «язык» в индивидуальном исполнении назовут «костюмированием») [1, с.115].

Если применять соссюрскую дихотомию к анализу жилища, задачей нашего исследования становится выделение «языков» организации жилой среды

(причем «естественных языков», неспециализированных и непрофессиональных). Р. Барт показал, что «язык одежды состоит из: 1) совокупности оппозиций, в которых находятся части, детали «туалета», вариации которых несут смысловые изменения (берет и котелок на голове имеют разный смысл); 2) правил, в соответствии с которыми отдельные детали могут сочетаться между собой. Речь в данном случае включает в себя все факты, относящиеся к индивидуальному способу ношения одежды» [3, с. 257].

Принимая схему и логику Р. Барта, предположим, что язык жилища состоит:

1. Из необходимого и достаточного перечня «групп элементов» жилища (мебель, посуда, интерьерный текстиль, устройства для отопления и освещения и т.п.), правил и способов их сочетания, принципов уместности – синтаксис жилища.

2. Из вариантов предметного наполнения каждого из локусов, вариантов исполнения каждой функции материей жилища, видов и разновидностей используемых предметов одной функции в границах рассматриваемой культуры (например, возможные места для сна в крестьянской избе, варианты исполнения входа в жилище степного кочевника, разновидности ширм сёдзи) – парадигматика мест («мест» – в хайдеггеровском смысле) и морфология вещей.

3. Из общих принципов организации жилища: функциональное, гендерное и символическое зонирование, вертикальная и горизонтальная структуры, способы локализации и маршрутизации. В аспекте языка этот уровень мы бы назвали поэтикой жилища, в единичном воплощении – высказыванием.

В результате предпринятого нами исследования мы пришли к выводу, проектная культура традиционных обществ, или этнодизайн, есть специфический способ связывания духовного и материального миров, обусловленный этнокультурным опытом и геофизическими условиями и выражающийся в структурах и кодах, способах и формах заполнения пространства вещной оболочкой человеческой деятельности. Приняв допущение, что проектная культура традиционных обществ отличается от современной проектной культуры (правил, разрабатываемых и принятых в профессиональных сообществах), мы ожидаем, что понимание схем складывания и логики функционирования жилого пространства, праформ пространства-вещности в традиционных культурах приве-

дет нас к расширению горизонта осмысления предметно-пространственной среды вообще и современной в частности.

Библиографический список

1. *Адоньева С.Б.* Категория настоящего времени: антропологические очерки / С.Б. Адоньева. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2001.

2. *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурин. Ленинград: Наука, 1983.

3. *Барт Р.* Основы семиологии / Р.Барт // в книге Структурализм: "за" и "против". Москва: Прогресс, 1975.

4. *Шпенглер О.* Закат Европы. Города и народы / О.Шпенглер // Самосознание европейской культуры XX века. Москва: Политиздат, 1991.

Е.М Глумова, И.А Прокопьева

ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМОТВОРЧЕСТВА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Основная задача обучения будущих дизайнеров, в том числе и дизайнеров в области проектирования костюма, заключается в необходимости формирования у студентов умения осмысленно подходить к процессу формообразования.

Изучение закономерностей формообразования костюма связано с необходимостью выявления формальных характеристик, которые позволят прояснить специфику проектирования этого сложного объекта предметной среды, определить совокупность утилитарных и эстетических функций костюма.

Проблема формотворчества в сфере дизайн-образования имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как трудно назвать хотя бы одну область деятельности дизайнера, где умение оперировать пластикой формы в пространстве не играло бы существенной роли. Данное умение лежит в основе отражения окружающего мира, его познания и активного преобразования.